

— Протестую!

Мо Фэн, всё это время сидевший в стороне, неспешно поднялся на ноги. В его голосе сквозила насмешка:

— Адвокат истца занимается софистикой! Лэ Сяояо в рот моему подзащитному Цзян Яньаню запихнул ваш подзащитный Юй Аоцян, а не наоборот! Мой клиент всегда был законопослушным гражданином, в отличие от некоторых личностей, которые привыкли совать наркотики в чужие рты!

Он повернулся к побленевшему Лан Фаньчэ и повысил голос:

— Разве это не умышленное причинение вреда здоровью? Или, по-вашему, мой клиент должен был покорно проглотить наркотик, чтобы его сочли невиновным?

— Протест принят! — отрезал судья, обрывая Лан Фаньчэ.

Тот, однако, не желал сдаваться и, стиснув зубы, выпалил:

— Цзян Яньань мог просто выплюнуть Лэ Сяояо! Но он скормил его Юй Аоцяну! Это умышленное убийство!

— Умышленное убийство? — Мо Фэн рассмеялся, словно услышал нелепую шутку. — Адвокат Лан, ваша логика — классический пример логики грабителя! Это ваш клиент принес наркотики в кабинку! Это ваш клиент насильно впихнул их Цзян Яньаню! А Цзян Яньань всего лишь вернул наркотик владельцу!

Он посмотрел на Лан Фаньчэ с издевательской улыбкой:

— Что же, теперь это стало виной Цзян Яньаня? В чем он провинился? В том, что не стал послушно глотать отраву, которую ему запихнули? Или в том, что вернул её обратно?

— Он мог выплюнуть! — Лан Фаньчэ указал на Мо Фэна, переходя на крик.

Мо Фэн приподнял бровь, и в его тоне прозвучала ирония, хотя каждое слово было веским аргументом:

— Адвокат Лан, если кто-то попытается пырнуть вас ножом, а вы отберете оружие и ударите в ответ — это необходимая оборона. Если вы убьете нападавшего — это превышение пределов обороны. Разве не так?

Зрачки Лан Фаньчэ сузились. Он смутно догадывался, к чему клонит Мо Фэн, и, поджав губы, промолчал. Мо Фэн продолжил:

— Мой подзащитный Цзян Яньань действовал в рамках необходимой обороны! Юй Аоцян засунул наркотик ему в рот, а он просто вернул эту дозу обратно! Он не стал брать вторую или третью таблетку из пакета, он не вышел за рамки самозащиты! Следовательно, мой клиент лишь защищал свои законные права в рамках, дозволенных законом. Верно, адвокат Лан?

Лан Фаньчэ замолчал, его лицо стало мрачнее тучи. Тяжело вздохнув, он повернулся к судье:

— Ваша честь, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Не успел он договорить, как Юй Аоцян, сидевший в инвалидном кресле, вдруг взбесился:

— Папа, что за никчемного адвоката ты нашел? Двух слов связать не может, как только его прижали! Я хочу сменить адвоката! Я добьюсь, чтобы Цзян Яньаня посадили!

Он злобно уставился на Цзян Яньаня, и от этой ярости в его взгляде Цзян Яньань невольно съежился. Лан Фаньчэ стоял ни жив ни мертв.

— Тишина! — судья ударил молотком по столу. — Истец, прошу контролировать свои эмоции! Не нарушайте порядок в зале суда!

Юй Цяньдо поспешил успокоить разъяренного сына, шепча ему на ухо:

— Сынок, не злись. Даже если суд не признает его виновным, я всё равно с ним расправлюсь!

— Прошу адвоката защиты приступить к допросу истца, — судья перевел взгляд на Мо Фэна.

Мо Фэн медленно подошел к Юй Аоцяну, обошел вокруг кресла и с насмешкой произнес:

— Так вот он какой, легендарный человек, у которого только язык и остался в рабочем состоянии. Действительно, больше ничего не двигается.

— Ты труп! — Юй Аоцян покраснел от ярости и начал осыпать Мо Фэна проклятиями. — Даже если у меня работает только язык, я найму людей, чтобы тебя убили! У моего отца полно денег, раздавить тебя — всё равно что раздавить муравья!

Юй Цяньдо попытался закрыть сыну рот рукой, но тот больно укусил его за палец. Мо Фэн театрально прижал ладонь к груди:

— Ой, как страшно! Какие нынче нравы: средь бела дня, прямо в зале суда угрожать заказным убийством!

Он тут же повернулся к судье, сменив тон на серьезный:

— Ваша честь, если со мной или моим подзащитным Цзян Яньанем случится беда, Юй Аоцянь будет главным подозреваемым.

Он указал на Юй Аоцяня и добавил с самым серьезным видом:

— Прошу вас, Ваша честь, в таком случае непременно привлечь его к ответственности, чтобы я мог умереть со спокойной душой.

Судья недовольно покосился на паясничавшего адвоката, а затем строго посмотрел на Юй Аоцяня:

— Истец, не проявляйте неуважения к суду и не бросайтесь пустыми угрозами! Каждое ваше слово может быть приобщено к делу в качестве свидетельских показаний!

— Свидетельские показания? Плевать! — Юй Аоцянь не испугался, а наоборот, яростно уставился на судью. — Я дал вам шанс судить Цзян Яньаня, только потому что был добр! Иначе я бы давно нанял людей и разобрался с ним втихую!

Мо Фэн, глядя на это беззаконие, холодно усмехнулся:

— Я верю, что вы способны на такое. В конце концов, когда вам было шестнадцать, вы насмерть сбили семидесятилетнего старика! А потом ваш отец деньгами подкупил сына погибшего, чтобы вы избежали наказания! С тех пор вы уверовали, что закон вам не писан и вы стоите выше него, верно?

Услышав это, Цзян Яньань, до этого смотревший в пол, резко поднял голову. В его глазах на мгновение вспыхнула лютая ненависть. Юй Аоцянь даже не подумал раскаяться — напротив, он самодовольно взглянул на Мо Фэна, словно хвастаясь своим мастерством избегать правосудия. В его понимании, пока у отца есть деньги, нет ничего невозможного.

Однако сидевший рядом Юй Цяньдо побледнел как полотно. Он судорожно вцепился в подлокотники кресла, и всё его тело мелко дрожало.